

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДА Н.Ф.КАТАНОВА «ЧУВАШСКИЕ СЛОВА В БОЛГАРСКИХ И ТАТАРСКИХ ПАМЯТНИКАХ» В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ТАТАРСКОГО НАРОДА

М.З. Закиев, г.Казань

В работе Н.Ф.Катанова речь идет о чувашских элементах в болгарской эпиграфике. Статья опубликована отдельной брошюрой, по-видимому, с благословения Казанского университета, поскольку автор представлен как профессор этого же университета (Казань, 1920. – 13 с.). Работа имела актуальное значение в начале XX в. когда решался вопрос об этнических корнях татар. Она актуальна и сейчас в связи с появлением ученых, идентифицирующих современных татар с монголо-татарскими завоевателями края.

Как известно, в XIX в. ученые, обращая внимание на болгарскую эпиграфику, даже не подозревали, что в них имеются чувашские слова. В эпиграфике часто повторялось сочетание *джиат джур* (чув. зиге зер – «семьсот»), которое сначала было принято за 623 год хиджри, якобы год нашего шествия монголов. В 1863 году Хусайн Фейзханов рекомендовал читать это сочетание как чувашские слова *джиат джур*, после чего в чтении болгарской эпиграфики наряду с татарским начали использовать и чувашский язык.

В своей статье Н.Ф.Катанов подробно перечисляет ученых, которые занимались расшифровкой болгарской эпиграфики при помощи чувашского языка. Особое значение он придает исследованиям Н.И.Ашмарина, который в 1902 году выпустил труд «Болгары и чувашаи». Н.Ф. Катанов в своей статье, по-видимому, из-за вежливости, не приводит основные выводы труда Н.И. Ашмарина, его собственный вывод противоречит мнению автора труда «Болгары и чувашаи».

Мы знаем, что Н.И. Ашмарин на основе наличия чувашских слов в болгарской эпиграфике, делает вывод, что чувашаи – это прямые потомки волжских болгар, а татары – это монголо-татарские завоеватели края. Надо полагать, что не согласившись с таким рассуждением Н.И.Ашмарина, Н.Ф. Катанов постепенно приводит читателя к другому – более адекватному выводу. Сначала он сообщает читателю следующее: «Из интересного доклада чувашина О.Г. Романова в заседании Казанского Общества Археологии, Истории и Этнографии 29 ноября 1902 г. доклада, напечатанного в

«Историческом Вестнике» за февраль 1903 г., стр. 512-526, мы узнали, что вплоть до XX в. по Р.Хр. чувашаи тяготели к мусульманам, часто даже сильнее, чем к русским, и переселялись даже в Турцию... Когда же собственно чувашаи Поволжья начали принимать Ислам? Если примем во внимание, что Ислам объявлен господствующей религией... при хане Узбеке, царствовавшем с 1312 по 1340 год, т.е. в первой половине XIV в., то не ошибемся, если скажем, что монголы-мусульмане стали обращать в Ислам инородцев Поволжья вообще, а чувашей, живших всегда бок-о-бок с татарами и черемисами в частности, с этого же времени, т.е. с XIV века» (С.3). Н.Ф. Катанов обращает внимание на то, что надгробные памятники с чувашскими словами обнаруживаются в тех регионах, где чувашаи проживают и сейчас, и в тех, «где ныне чуваш уже нет» (С. 3, 11). По его мнению, тщательная дешифровка болгаро-чувашских надписей на камнях, найденных в тех местах, где уже нет чувашей, «прольет новый свет на историю чуваш. Так как до сих пор не найдено памятников XV в. по Р.Хр., в которых бы встречались чувашские слова, – надо думать, что в XV веке чувашаи, принявшие Ислам, стали уже настоящими татарами, забыв свое происхождение» (С. 11-12). Принятие Ислама чувашами кое-где продолжалось очень долго. Н.Ф. Катанов еще в 1907 году в Оренбургской и Уфимской губерниях встречал чувашей, «которые только что приняли Ислам» (С. 12).

Таким образом, Н.Ф. Катанов не согласен с общепринятым тогда мнением Н.И. Ильминского и Н.И. Ашмарина о том, что болгарская эпиграфика с чувашскими элементами составлена якобы чувашезычными булгарами, которые являются непосредственными предшественниками чувашей; он выдвигает идею о том, что болгаро-татарская эпиграфика с чувашскими словами составлена чувашами, принявшими Ислам и находившимися на стадии принятия болгаро-татарского языка вместо своего прежнего чувашского языка.

Эта мысль Н.Ф. Катанова не нова для тюркологии, она впервые была высказана В.В.Радловым в 1884 г. на IV археологическом съезде России, где он, возражая Н.И. Ильминскому, доказывал, что чувашезычные эпитафии написаны самими «чувашами-мухаммеданами», прошедшими «мухаммеданские школы» (Труды Четвертого археологического съезда в России. Казань, 1884, С. XLII- XLIII). Но Н.Ф. Катанов повторил и еще раз более подробно доказал правильность этой мысли лишь потому, что сразу же после Октябрьской революции среди чувашских ученых с новой силой возникло стремление доказать, что они являются потомками болгар, а татары – это монголо-татарские завоеватели края. Между прочим, даже среди татарской интеллигенции и некоторых татарских ученых в связи с принятием этно-

нима *татар* появилась тенденция отождествления современных болгаро-татар с «сильными», «великими» завоевателями края. Поэтому выход статьи Н.Ф. Катанова «Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках» в 20-х годах XX века имел очень большое и теоретическое, и практическое значение.

Статья Н.Ф. Катанова вдвойне актуальна для современного периода изучения татарской истории, ибо вопрос о принадлежности болгарской эпиграфики тому или другому народу оказался еще более запутанным в связи со стремлением некоторых татарских историков идентифицировать монголо-татар и в целом население Золотой Орды с современными казанскими татарами.

Чтобы не терять последовательности в изложении процесса изучения болгарской эпиграфики, вспомним, что же изменилось в этом процессе после выступления в печати Н.Ф. Катанова. Чувашские историки продолжали развивать теорию Н.И. Ильминского и Н.И. Ашмарина, и в настоящее время они являются неотступными приверженцами этой теории. Казанский историк Н.Ф. Калинин произвел систематизацию надгробных памятников и четко подразделил их на две группы: тюркоязычные памятники без чувашских элементов он назвал «памятниками первого стиля», а памятники с чувашскими элементами – «памятниками второго стиля».

Большим событием в процессе изучения болгаро-татарских надгробных надписей был выход в 1960 году в Москве монографии Г.В. Юсупова «Введение в болгаро-татарскую эпиграфику». Он категорически не согласился с выводами Н.Ф. Катанова и настаивал на том, чтобы язык памятников второго стиля был отнесен к древнеболгарскому периоду, а первого стиля – к новоболгарскому (стр. 88). В своей монографии «Эпиграфические памятники волжских болгар и их язык» (М., 1987). Ф.С. Хакимзянов признал язык болгарской эпиграфики второго стиля особой литературной нормой языка волжских болгар.

Некоторые русские, турецкие и венгерские ученые, являясь сторонниками чувашских историков, язык памятников первого стиля (без чувашизмов) относят к языку монголо-татарских завоевателей, потомками которых являются, по их мнению, современные татары, а язык памятников второго стиля (с чувашизмами) признают языком волжских болгар, которые, по их мнению, говорили на чувашском языке и были непосредственными предшественниками чувашей. Поэтому не удивительно, что они, например, венгерский ученый А.Рона-Таш (Rona Tas Fodor S. Epigraphica Bulgarica. A. Volgai Bolgar. – Tьrokfeliratok. – Szeged, 1973), турецкий языковед Талат Текин (Talat Tekin. Volga Bulgar kitabeleri ve Volga Bulgarcasa – Ankara, 1988)

и др. к болгарской эпиграфике относят лишь памятники второго стиля и безоговорочно считают, что эти памятники написаны на чувашском языке. В связи с этим необходимо напомнить, что языковед Латыф Залый еще в 1946 году отметил, что памятники второго стиля написаны не на чисточувашском языке, а в смешанном стиле, где присутствовали элементы болгаро-татарского и чувашского языков, естественно и арабского. (Л.Залый. Заключительное слово после его доклада «К вопросу о происхождении татар Поволжья по материалам языка» // Происхождение казанских татар. – Казань, 1948. – С. 157).

Мне приходилось проводить подробный анализ текста памятников второго стиля, только они отнесены А.Ф.Рона-Ташем к болгарским памятникам. Этот анализ и его результаты включены в мои монографии: 1. Татар халкы телене• барлыкка килъе (Казань, 1977. – С. 127-132); 2. Волжские болгары и их потомки (Казань, 1993; соавтор Я.Ф.Кузьмин-Юманеди, С.14-72); 3.Търки–татар этногенезы (Казань-Москва, 1998. – С. 361-367); 4. Происхождение тюрков и татар (Москва, 2003. – С. 312-320). В этих трудах я доказываю несостоятельность установок и выводов сторонников болгаро-чувашской теории о том, что, во-первых, эпиграфика 1-го стиля якобы не имеет отношения к болгарам, во-вторых, болгарские надгробные памятники 2-го стиля написаны якобы на чисто чувашском языке и доказываю, что, во-первых, памятники 1-го стиля написаны на болгарском языке, во-вторых, язык памятников 2-го стиля отражает состояние чувашского языка на стадии поглощения его обычнотюркским болгарским языком.

Для лексического анализа из памятников 2-го стиля, включенных в книгу А.Ф.Рона-Таша как болгарские, я беру все чувашские, чувашеподобные и татарские, а также арабские слова, заимствованные к этому времени болгарским языком. За исключением некоторых поздних арабских заимствований, их оказалось 50. Они следующие:

1. <i>ахир•т</i> ‘загробный мир’	
’подруга’ 26.	• <i>иерем</i> ‘двадцать’
2. <i>алты</i> ‘шесть’	27. • <i>иермеше</i> ‘двадцатый’
3. <i>алтышы</i> ‘шестой’	28. • <i>иете</i> ‘семь’
4. <i>айхы</i> ‘в месяц’	29. • <i>иетеше</i> ‘седьмой’
5. <i>уулы</i> ‘его сын’	30. • <i>ур</i> ‘сто’
6. <i>былтыйы</i> ‘был’	31. <i>кнъчдейе</i> ‘переселился’
7. <i>бакый</i> ‘вечный’	32. <i>кнъэн/кнън</i> ‘день’
8. <i>баттыйы</i> ‘утонул’	33. <i>мъх•рр•м</i> назв. 1–го лунного м–ца
9. <i>бле•е</i> ‘пятый’	34. <i>р•••п</i> назв. 7–го м–ца

10. <i>бл̣ье ки</i> ‘знак это’	35. <i>рамазан</i> назв. 9–го м–ца
11. <i>бер̣ь</i> ‘первый’	36. <i>с•ф•р</i> назв. 2–го м–ца
12. <i>бере•е</i> ‘первый’	37. <i>с•кр</i> ‘восемь’
13. <i>би•лем</i> ‘пятый’	38. <i>тарих</i> ‘история’, ‘время’
14. <i>д̣льнядан/д̣льняран</i> ‘из мира’	39. <i>тындыйы</i> ‘успокоился’
15. <i>ике</i> ‘два’	40. <i>тухр</i> ‘девять’
16. <i>икеше</i> ‘второй’	41. <i>туатм</i> ‘четвертый’
17. <i>л̣ь/илле</i> ‘пятьдесят’	42. <i>вафат</i> ‘смерть’
18. <i>и•е/ите</i> ‘было’	43. <i>вын/вын</i> ‘десять’
19. <i>фани</i> ‘бренный’	44. <i>выным</i> ‘десятый’
20. <i>ши•р•т</i> ‘хиджре’	45. <i>вы•ым</i> ‘третий’
21. <i>шир</i> ‘дочь святая’	46. <i>утр</i> ‘тридцать’
22. <i>хырх</i> ‘сорок’	47. <i>зиарат</i> ‘кладбище’, ‘могила’
23. <i>ширхум</i> ‘невольница’	48. <i>алла р•хм•те</i> ‘милость божья’
24. <i>рне</i> ‘неделя’	49. <i>инша алла</i> ‘даст бог’
25. <i>•ыл/•ал</i> ‘год’	50. <i>бисмилла</i> ‘с именем аллаха’

Анализ этих слов выглядит следующим образом.

1. 15 заимствованных из арабского языка слов эпитафии (*ахир•т*, *бакый*, *фани*, *д̣льнядан*, *ши•р•т*, *м̣х•рр•м*, *р••п*, *рамазан*, *с•ф•р*, *тарих*, *вафат*, *зиарат*, *алла*, *инша алла*, *бисмилла*) вошли в словарный состав болгаро-татарского языка. Если бы чувашский язык представлял собой продолжение болгарского, то в нем хотя бы одно из этих заимствований сохранилось бы.

2. Чувашскими можно считать слова: *айхы*, *бле•е*, *бел̣ье ки*, *би•лем*, *иже/ите*, *шир*, *хырх*, *ширхум*, *рне*, *•ър*, *с•кр*, *тухр*, *туатм*, *вы•ым*, *утр*. Их всего 15.

3. Только в болгаро-татарском разговорном и литературном закрепились: *алты*, *уулы*, *былтыйы*, *баттыйы*, *ике*, *л̣ь/илле*, *•ыл/•ал*, *•иерем*, *•иете*, *к̣ьчдейе*, *к̣ьн/к̣ь•н*, *тындыйы*. Их всего 12.

4. Остальные 8 слов с арабской графики можно транслитировать как с болгаро-татарскими, так и чувашскими особенностями.

Таким образом, из всех слов характеризуется чувашскими особенностями 30%, болгаро-татарскими – 54% слов, из них 24% болгаро-татарские слова, 30% слов являются арабскими заимствованиями, которые вошли в болгаро-татарский язык. 16% слов можно читать с особенностями обоих языков. Следовательно, язык болгарских надгробных памятников второго стиля не является чисто чувашским, как это хотели представить читателям сторонники болгаро-чувашской теории и А.Ф.Рона-Таш в том числе, а сме-

шанным.

Необходимо еще иметь в виду, если бы болгарский язык был чувашеподобным, если бы чуваша представляли собой прямых потомков болгар, то нетрудно представить, что все этнические особенности болгар: исламская религия, арабское письмо, болгарский фольклор, болгарские способы обработки кожи, различные болгарские обычаи и обряды сохранились бы у чувашей, но их у них нет, они сохранились у современных татар. Этот факт не учитывается ни А. Рона-Ташем, ни Талат Текином, ни чувашскими историками – продолжателями теории Н.И. Ильминского и Н.И. Ашмарина относительно происхождения чувашей и татар.

В связи с этим необходимо сказать несколько слов о характере языка болгарской эпиграфики 1-го стиля. Приведем лишь один пример. В надписи болгарской эпитафии 1317 года после арабских выражений идет болгарский текст: *Йегетл•р кърке, кь•елл•р ъз•ге, галимл•рне агьрлаган, й•тим, тол, ъксезл•рне асраган Муса углы Алтынчы Ш•цидулла зиараты ... кыйлсын... р•биг •л•ънь•лне• уртасы. Тарихка 717.* «Краса молодцов, сердце сердец, почитатель ученых, сирот, вдов, бедных кормилец. Сына Мусы золотых дел мастера Шахидуллы могила, ... да помилует ... раби – 1-го в середине, по летосчислению в семьсот семнадцатом» (Г.В. Юсупов. Указанный труд. 15 таблица). Вот этот поэтический болгарский язык сохранился в виде современного татарского языка. Поэтому мы – сторонники болгаро-татарского происхождения современных татар считаем, что болгарский язык представляет собой обычно-тюркский язык с Урало-Поволжскими особенностями тюркского языка.

Сторонники же болгаро-чувашской теории язык 1-го стиля болгарской эпиграфики считают привнесенным извне монголо-татарскими завоевателями края, которые, по их мнению, считаются якобы прямыми предшественниками современных татар. К сведению таких татаро-татаристов надо сказать, если бы современные татары были прямыми потомками монголо-татарских завоевателей, пришедших в Урало-Поволжье из Центральной и отчасти Средней Азии в 1236 году, то болгарский язык (по их мнению: татарский язык), зафиксированный на надгробной плите 1317 года, (т.е. по истечению 80 лет после их прихода) должен был бы характеризоваться центрально-азиатскими тюркскими особенностями. В вышеприведенном тексте нет никаких привнесенных извне элементов, он характеризуется урало-поволжскими особенностями, которые формировались в Урало-Поволжье задолго до нашей эры в результате функционирования известного тюркологам волжско-камского языкового союза.

Таким образом, из изложенного выше становится вполне очевидным,

что тексты болгарской эпиграфики 1-го стиля составлены самими булгарами на болгарском языке, который применяется и в настоящее время булгарами-татарами; тексты болгарской эпиграфики 2-го стиля составлены чувашами–мусульманами, которые находились на стадии обугларивания, т.е. принятия болгарского языка вместо прежнего чувашского. Эти обугларившиеся чуваша в дальнейшем пополнили болгар, а не чувашей, поэтому в чувашском народе не было и нет болгарских этнических особенностей. Учитывая это, Н.Ф. Катанов, признав авторами текстов надгробных памятников с чувашскими языковыми элементами самих чувашей, находящихся на стадии обугларивания, считает эти памятники не чувашскими, а болгарскими-татарскими. Это и понятно, ведь эти обугларившиеся чуваша втянулись в обряд установления надгробных камней под непосредственным влиянием болгар-мусульман.

Актуальность этой небольшой статьи Н.Ф. Катанова возрастает в наши дни в связи с появлением сторонников Н.И. Ильминского и Н.И. Ашмарина среди татарских историков. В конце 80-х годов XX в. Д.М. Исхаков, Р.Г. Фахрутдинов, И.Л. Измайлов и М.Ахметзянов с целью «возвеличивания» татар начали пропагандировать идею идентификации современных татар с «великими и сильными» завоевателями края – монголо-татарами. По их мнению, идею болгарского происхождения татар навязали нам Сталин и компартия для того, чтобы якобы сузить ареалы происхождения татар. Эта выдумка настолько необдуманная, что, по утверждению ее авторов, оказывается, что Сталин и компартия сумели навязать идею болгарского происхождения татар С.М. Шпилевскому еще до появления на свет (см. С.М.Шпилевский. «Древние города и доугие болгаро–татарские памятники Казванской губурнии». – Казань, 1877; а Сталин родился в 1879 г., компартии еще не было). Шигабутдину Марджани и Гайнетдину Ахмерову – еще до прихода к власти (см. Ш. Марджани «Мостафадел–•хбар фи •хвали Казан в• Болгар» – «Источники по истории Казани и Булгара». – Казань, 1897; Г. Ахмеров. «Болгар тарихы» – «История Булгар». Казань, 1909; «Казан тарихы» – «История Казани». – Казань, 1910). Такая несуразная точка зрения, связанная со Сталиным и компартией, привела к признанию чувашей непосредственными потомками болгар, болгарскую эпиграфику отнести только к чувашскому народу. Со временем к этим забытым и в свое время раскритикованным взглядам присоединился М. Усманов, который часто повторяет мнение о том, что увлечение болгарской историей мешает изучению прелестей Золотой Орды, которая по выражению Ризы Фахретдинова, в союзе с русскими княжествами и ушкуйниками оставила татарский народ без государства. Все эти негативные явления в татарской истори-

ческой науке в той или иной степени уже освещены.

В связи с описанием проблем, поднятых Н.Ф. Катановым в его статье «Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках», необходимо особо сказать о попытках М. Усманова и А. Арслановой пропагандировать взгляды венгерского ученого А.Ф. Рона-Таша о том, что болгары говорили на чувашеподобном языке, этот язык был характерен якобы даже хазарам. Эти выводы А.Ф. Рона-Ташем были сделаны в результате изучения болгарской эпиграфики второго стиля в его книге, опубликованной еще в 1973 г. В 1999 году А.Рона-Таш выпустил большую монографию на английском языке «Hungarians and Europa in the Early Middle Ages: An Introduction to Hungarian History» – Budapest. (Венгры и Европа в начале Средних веков: введение в историю Венгрии. – 566 с.). Этот капитальный труд заслуживает объективной оценки. В нем подняты значительные актуальные проблемы не только венгерской истории, но, в связи с тюркскими заимствованиями в венгерском языке, затронуты те же проблемы, которые были описаны автором в его прежней, упомянутой здесь книге 1973 года.

С интересом читая книгу М. Усманова «Гасырдан–гасырга» (Из века в век. – Казань, 2004. – 488 с.), я обнаружил рецензию на этот капитальный труд А. Рона-Таша, написанную М. Усмановым и А. Арслановой: «Бер гыйбр•тле тарихи хезм•т хакында» (С. 45-69), где только положительно освещаются многие проблемы, поднятые А. Рона-Ташем. В данном случае нас интересует то, как же оценивается рецензентами точка зрения А. Рона-Таша относительно чувашезычности болгарской эпиграфики и об идентификации болгар с чувашами. Поскольку рецензенты никогда не занимались данными проблемами, постольку точка зрения А. Рона-Таша и его оппонента (в данном случае М. Закиева) описывается весьма запутанно и тенденциозно. Между тем, вопрос весьма серьезный, очень важный не только для татарской и чувашской этнической истории, но и для венгерской. Поэтому данный вопрос требует не легковесного, а серьезного объяснения. Приведем целый абзац из рецензии М. Усманова и А. Арслановой.

Съз у•аенда тагын бер м•сь•л•г• тукталып узыйк. А.Рона-Ташны• болгар теле ьзенч•лекл•рен• карата элек т• •йтк•н •леге фикерл•ре кайбер тел белгечл•рене• (м•с•л•н М.З.З•киевне•) кискен р•вешт• каршы чыгуына очраган иде. Фикер бел•н килешерг• тел•м•нь бер н•рс•, л•кин болгар эпитафиял•рене• бер ьлешенд•ге чуашчага якынрак элементларыны• реальге бьтенл•й икенче н•рс•. Мондый сыйфатларны бернинди “югарыдан тьшк•н” кьрс•тм•л•р яис• тьрлеч• тартып–сузулар бел•н д• ьзг•ртеп булмады х•зерг• и•м булмас та кебек. Заманында татар кешесе Хьс•ен Ф•йзханов тарафыннан ачылган, со•рак кьпче

лек компетентлы лингвистлар тарафыннан кабул ителг•н караш кил•ч•кт• д• аерым ш•хесл•рне• ихтыярларына (тел•ъ–тел•м•ъл•рен•) буйсынмас шикелле. Болгарчыларны• бер б•ласе, фикеребезч•, Болгар д•ъл•тенд•ге халыкларны• ц•мм•се д• бер ген• диалектта сьйл•шк•н кавемн•н булган дип, тар карашлы позицияд• торулары бел•н а•латылса кир•к. А.Рона–Таш ис•, кьрг•небезч•, реаль чынбарлыкка тьртеп кьрс•т• торган конкрет фактлар нигезенд• м•сь•л•г• ки•р•к карап фикер йьрт• — бер д•ъл•т эченд• тьрле диалектларда сьйл•шк•н кард•ш кавемн•р булу идеясен алга сьр•... Ницаять, шуны да льстрг• кир•к: язма чыганаclar да, археологик ист•лекл•р д•, антропологик материаллар да ачык кьрс•тк•нч•, Идел–Кама Болгар д•ъл•те кьп этнослы, ягъни, х•зергеч• •йтс•к, кьпмилл•тле д•ъл•т булган. Шу•а кьр• “болгар мирасы” льчен талашып, ызгышып ятуны• м•гън•се бик чамалы. Чын гыйльми б•х•с ис• реальге расланган фактлар нигезенд• бульрга тиеш ... (53 б.).

Необходимо прямо сказать, что здесь чувствуется стиль М. Усманова, который ближе к художественному, чем к научному. И в других статьях он сначала придумывает себе оппонентов, к сожалению, не называя их и не указывая на источники их мнений. В очень редких случаях он называет фамилию своего оппонента, не указывая источник, искажает его мысли, затем с серьезным видом начинает излагать свои якобы обоснованные мысли против вымышленных мнений оппонентов. Хотя такой стиль для живости изложения в художественных произведениях иногда и допускается, но совершенно противопоказан научному изложению. В вышеприведенном отрывке рецензии М. Усманова и А. Арслановой мы наблюдаем это весьма отчетливо.

Здесь сначала речь идет о том, что М. Закиев еще раньше подвергал резкой критике мнение А.Рона-Таша об особенностях болгарского языка. В языке некоторой части болгарской эпиграфики А.Рона-Таш обнаружил чувашские элементы, а М. Закиев якобы отрицал наличие их в этих памятниках. В каком своем труде М. Закиев говорил об этом, в рецензии источник не указан. В действительности же М. Закиев в своих трудах даже перечислял чувашские слова, выводил их проценты из общей массы лексических единиц болгарской эпиграфики. Наличие или отсутствие чувашских слов в болгарской эпиграфике никогда не было предметом спора между А.Рона-Ташем и М.Закиевым. Это – выдумка рецензентов.

Следующая выдумка М. Усманова и А. Арслановой заключается в том, что А.Рона-Таш, находя чувашские элементы в болгарской эпиграфике, хотел доказать якобы многодиалектность народа Булгарского государства, т.е.

якобы наряду с обычным болгаро-тюркским признавал наличие чувашезычного диалекта. Рецензенты просто не поняли А.Рона-Таша. Ведь он во всех своих трудах полагал, что у болгар не было обычного тюркского языка, что болгары говорили только на чувашеподобном языке. Кроме того, рецензентам надо было понять то, что чувашский язык не может выступать диалектом обычно-тюркского языка! Это – разные языки, а не диалекты. Рецензенты утверждают, что болгаристы вроде М. Закиева из-за узости своих взглядов представляют народ Булгарского государства «однодиалектным», т.е. они отрицают многонациональность болгар, а вот А. Рона-Таш, по их мнению, в этом вопросе поступил якобы правильно.

Как уже было сказано, А. Рона-Таш никогда не ставил своей целью показать многодиалектность болгар, у него одна цель – доказать, что к болгарам относятся лишь памятники 2-го стиля, что они написаны якобы только на чисточувашском языке, что болгары были однодиалектными, т.е. только чувашезычными, что потомками болгар являются чуваша. Свою ошибочную установку доказать чувашезычность болгар А. Рона-Таш излагает не только в своих вышеупомянутых двух монографиях (изданных в 1973 и 1999 годах), но и в других работах. Так, в статье «Периодизация и источники истории чувашского языка» (С. 113-169 в сборнике научных трудов «Chuvash studies». Ed. by Rona Tas A. – Budapest: Akad. Kiado, 1982. – 306 p.) А. Рона-Таш выделяет четыре периода в истории чувашского (?) языка: древнеболгарский, староболгарский, среднеболгарский и новоболгарский. По его мнению, среднеболгарский период начинается со времени краха Волжской Булгарии и характеризуется интенсивными этническими процессами: часть болгар подверглась татаризации, другая часть вступила в тесные контакты с финно-уграми. Новоболгарский период – это, по другому названию автора, чувашский период. Данное мнение наверняка повторяется и в его монографии, оно по душе М. Усманову и А. Арслановой. Далее, в своих нескольких статьях, опубликованных в другом сборнике научных трудов «Studies in Chuvash etymology» (Ed. by Rona-Tas. A. — Szeged, 1982. – 240 p.), А. Рона-Таш пытается находить в татарском языке слова волжско-болгарского происхождения и объясняет их при помощи чувашского языка. В его статьях красной нитью проходит идея отождествления болгар с чувашами, а татар – с завоевателями края – монголо-татарами. Эту мысль он излагает и в своих монографиях, в том числе и в книге, рецензируемой М. Усмановым и А. Арслановой. Мы уже знаем, что рецензенты полностью согласны с таким мнением А.Рона-Таша, не только согласны, но и старательно защищают его от тех, кто не согласен с А. Рона-Ташем.

Необходимо напомнить о том, что не болгаристы, а именно ордынцы до

сих пор стараются показать болгар незначительной народностью, недостойной быть предшественницей «великих» татар. По их мнению, именно потому, что болгары были мелкой односоставной народностью, Сталин и компартия навязали их татарам.

В-третьих, М. Закиев, выступая против современных татарских ордынцев вроде М. Усманова, многочисленными данными доказал, что болгары в болгарском государстве были титульной народностью, и все те племена, которые вошли в состав этого государства, за три столетия постепенно обугларились. К таким он относит племена со следующими этнонимами: *ас/яс, суас, буртас, остяк/шитяк, сьн, кусьн/касан, савир/сабир, авар, угор, утригур, бигер/бияр, кунгур, мишар, курук, паскарт* и др. (З•киев М.З. Тьрки-татар этногенезы. – Казань-Москва, 1998. – С. 235-307). Обугларилась и часть чувашей, финно-угров, которые остались непосредственно в составе болгар и приняли ислам.

Рецензенты труда А. Рона-Таша здесь преднамеренно искажают мнения и А. Рона-Таша и М.З акиева. Такое преднамеренное искажение мнений своих оппонентов и стремление таким образом показать свою правоту называют обычно профанацией науки.

Всем тюркологам, более или менее знакомым с проблемами болгарской эпиграфики, известны и не вызывают никаких споров вопросы о наличии чувашских элементов в языке болгарской эпиграфики, а также о многоэтничности болгарского народа. Вряд ли А. Рона-Таш в своей новой книге уделил внимание этим вопросам. Поэтому рецензенты, защищая позиции якобы А. Рона-Таша по этим вопросам, оказали ему лишь медвежью услугу.

На самом деле суть разногласий между А. Рона-Ташем и М. Закиевым в оценке болгарской эпиграфики заключается в том, что А. Рона-Таш на основе изучения языка лишь второго стиля болгарской эпиграфики считает, что болгары говорили на чувашеподобном языке, потомками болгар являются чувашаи; а М. Закиев на основе изучения обоих стилей болгарской эпиграфики приходит к выводу, что язык первого стиля является болгарским, а второго стиля – это язык самих чувашей-мусульман, находящихся на стадии принятия болгарского языка вместо своего прежнего чувашского языка. Это мнение принадлежит не только М. Закиеву, так думали В.В. Радлов, Г. Ахмеров, Н.Ф. Катанов, Г. Газиз, Г. Рахим, К. Мусаев, Г. Саттаров, А. Мухаммадиев и др.

Если бы М. Усманов когда-то хоть поверхностно занимался данными проблемами, он и А. Арсланова поняли бы суть проблемы. Тогда они могли бы исходить из общепринятого принципа: «Платон мне друг, но истина дороже». На самом деле получилось так, что «Рона-Таш мне друг, поэто-

му истина мне не нужна».

Рецензенты здесь критикуют М. Закиева за то, что он якобы против многодиалектности булгар, тогда как сам М.З. Закиев в своих трудах лучше и доходчивее рецензентов доказывает многодиалектность булгар. Так рецензенты, находясь на позициях М. Закиева ведут ожесточенную борьбу против его же несуществующих взглядов. Если бы они поняли суть вопроса, поднятого А. Рона-Ташем и М. Закиевым, то им не пришлось бы «сражаться с ветряными мельницами, принимая их за великанов».

Удивляет нас нелогичный вывод авторов рецензии. По их мнению, поскольку булгарский народ был многоэтничным, постольку нет смысла спорить о том, кому принадлежит «булгарское наследие». Следовательно, нашим рецензентам безразлично, принадлежит ли «булгарское наследие» татарам, чувашам, башкирам, удмуртам или марийцам и т.д. Их вполне устраивает учение А. Рона-Таша, на основе которого многие чувашские ученые «булгарское наследие» полностью приписывают себе, а татар считают остатками монголо-татарских завоевателей. Если эту теорию считать обоснованной, как это признают М. Усманов и А. Арсланова, то остается только одно: полностью встать на позиции А. Рона-Таша и булгар вообще убрать из татарской истории, передать все булгарское чувашскому этносу.

К сведению М. Усманова и А. Арслановой, а также самого А. Рона-Таша, повторяясь, скажу: если бы надгробные памятники второго стиля написали сами якобы чувашезычные булгары, если поэтому чувашаи были непосредственными потомками булгар, то все этнические особенности булгар сохранились бы у чувашей, как всем ясно, у последних их нет, а сохранились они у татар. Это не учитывается ни А. Рона-Таш, ни его рецензентами. А вот сами чувашские ученые на это обратили внимание и отказались от признания своими предками булгар-мусульман. В Чувашской энциклопедии пришли к заключению, что «чувашский этнос сформировался на базе не принявшего ислам земледельческого булгарского населения, расселившегося на Правобережье Волги..., частично ассимилировавшего финно-угров на севере Чувашии» (Краткая чувашская энциклопедия. – Чув. кн. изд., 2001. – С.465). В то же время в другой статье отмечается, что «Чувашский язык ... относится к булгарской группе тюркской языковой семьи и представляет собой единственный живой язык этой группы. (Краткая чувашская энциклопедия. – Чув.кн.изд., 2001. – С.486). Таким образом, чего добивался А. Рона-Таш в своих исследованиях, полностью принято чувашскими учеными и рецензентами книги А. Рона-Таш.

Не надо забывать, что чувашаи представляли собой финно-угров, называемых *веда*. И миссионерский съезд 1910 года пришел к выводу о перво-

начальном родстве чувашей – язычников и финно-угорских племен. (Шарафутдинов Д.Р. Документы миссионерского съезда. – Казань, 1910 г.) – важный источник по истории традиционной культуры народов Среднего Поволжья и Приуралья // Отечественные архивы. – 2005. – № 1. – С.67]. Финно-угроязычные веда тесно общались с тюркоязычными суасами, приняли от них тюркский язык и этноним *суас/чуваш*. При исследовании чувашской проблемы, не учитывать этого также нельзя.

Я полагаю, что нам еще не раз придется анализировать статью Н.Ф. Катанова «Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках», где он вопреки желаниям татарских ордынцев, противников болгарского происхождения татар, авторами болгарской эпитафии с чувашскими элементами считает не болгар, а чувашей, находящихся на стадии обугаривания. Ибо так называемые ордынцы, которые считают современных татар пришельцами на их исторических территориях, еще не раз попытаются возродить точку зрения Н.И. Ильминского и Н.И. Ашмарина по этнической истории татар и чувашей.